

УДК 008.009:39

**Малороссия: к проблеме вклада в культуру
славянского мира (на материалах творческого
наследия И.Г. Прыжова)**

Кургузов Владимир Лукич

Доктор культурологии, профессор,
член Международной комиссии научных исследований культуры народов
Центральной и Восточной Европы IOV ЮНЕСКО,
Восточно-Сибирский университет технологий и управления,
670041, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40а;
e-mail: VLKurguzov@rambler.ru

Аннотация

В статье, основанной на использовании редких материалов научных трудов полузабытого в наши дни историка, этнографа и публициста XIX века И.Г. Прыжова рассматриваются актуальные проблемы зарождения культурного наследия Малороссии (Украины), пронизанного искренней любовью к своей земле, бесценного вклада этого наследия в сокровищницу культуры России и славянского мира в целом. На примерах Киевской Руси показаны основные достижения культуры славян, отражен ретроспективный взгляд на общность их духовных интересов, выражена позиция автора на сохранение этого наследия и использование его в условиях современности, в том числе и в условиях социального противостояния на Украине в наши дни.

Для цитирования в научных исследованиях

Кургузов В.Л. Малороссия: к проблеме вклада в культуру славянского мира (на материалах творческого наследия И.Г. Прыжова) // Культура и цивилизация. – 2014. – № 5. – С. 57-71.

Ключевые слова

Малороссия, Русь, история, культура, наследие, славяне, письменность.

Введение

Обратиться к истории культурных достижений Малороссии побудили автора сегодняшние события на Украине, которые с тревогой и болью переживаются всеми людьми на пост-советском пространстве заставляют нас оглянуться назад, обратиться к собственной истории, ретроспективному анализу культурных достижений Малороссии, которые оставили свой глубокий след в истории не только России, но и всего славянского мира. Однако прежде чем перейти к основному содержанию статьи штрихами обозначим историю возникновения Киевской Руси, территорию которой в рамках Российской империи стали называть Малороссией, в отличие от другой ее части – Великороссии.

Как известно, расселение славянских племен в Европе – составная часть великого переселения народов I тыс. н.э. Принято выделять три основные ветви славян, основываясь на районах их расселения: *южные* славяне, которые расселились на территории Южной Европы, прежде всего на Балканах, *западные* славяне – предки чехов и поляков; *восточные* славяне: предки русских, украинцев и белорусов

Уже в IX веке сложилось единое восточнославянское государство – *Киевская Русь*. Её расцвет приходится на княжение Ярослава Мудрого (1019-1054 гг.). В середине XII века, после смерти Владимира Мономаха (1113-1125 гг.), начинается период феодальной раздробленности. В середине XIII века произошло вторжение Орды на территорию Киевской Руси, результатом которого стало почти двухсотлетнее татаро-монгольское иго.

Но, несмотря на столь мрачные времена, смерть людей, порабощение, уничтожение культурных ценностей культура Киевской Руси не умирала. Она продолжала жить и развиваться, сохраняя свои народные корни, порождая шедевры, которыми мы не перестаем удивляться в третьем тысячелетии нашей истории. Разумеется, культура Киевской Руси имела свою специфику, отличавшую ее от культур других христианских народов: древние славяне были *язычниками*, однако культура славянского язычества изучена пока еще недостаточно.

В 988 году при киевском князе Владимире Красном Солнышке происходит Крещение Руси, которое оказало большое влияние на развитие всей сла-

вянской культуры. Русь через Византию оказалась приобщенной к культуре античного мира.

Процессы становления культуры Киевской Руси и в целом Малороссии – всегда привлекали внимание российских историков, филологов и культурологов. Одним из родоначальников проявления такого интереса являлся русский историк XIX в. И.Г. Прыжов, на мнение которого автор намерен ссылаться ниже.

О культуре Малороссии в творческом наследии И.Г. Прыжова

Имя Ивана Гавриловича Прыжова – видного российского историка, этнографа, социолога и публициста XIX века мало что говорит нашему, даже осведомленному, собеседнику. Оно, к сожалению, практически забыто научным сообществом современной России, пост-советского пространства в целом. Редкие книги и статьи об этой, далеко неординарной личности, которые можно пересчитать по пальцам одной руки, хотя и стали появляться в последние годы, но их содержание, ни в коей мере не исчерпывает того масштабного духовного наследия, которое оставил нам этот человек. Настоящая статья лишь малая толика внимания к творчеству И.Г. Прыжова, которого он по праву заслуживает.

Тяжела и зла была судьба И.Г. Прыжова. Родился он в 1827 году в Москве, в Мариинской больнице для убогих, а первые ощущения его в жизни были – голода и холода. Сын бывшего крепостного, а затем охранника этой больницы, несмотря на бедность все же был принят в гимназию, которую окончил с отличием, что дало ему право поступить в Московский университет без экзаменов. Однако окончить университет не удалось. Из него он был исключен за революционную деятельность. С 5 марта 1870 года – узник Петропавловской крепости. В 1871 году приговором суда был подвергнут публичной казни, лишен всех прав состояния, приговорен к ссылке в каторжные работы на 12 лет и вечное поселение в Восточной Сибири. Каторгу отбывал на Петровском железоделательном заводе, где до него отбывали каторгу многие декабристы. 1881 год – вышел на поселение. Не имея средств не только для выезда в центральную Россию, но даже по его словам, «пятака, чтобы купить марку для письма» борясь с голодом, умер 25 июля 1885 года.

Чем же дорого нам творческое наследие И.Г. Прыжова в контексте темы данной статьи? В ответе на этот вопрос сошлемся на мнение одного из первых его биографов – А.М. Альтмана, – который, еще в 1932 году выпустил свою книгу «Иван Гаврилович Прыжов. Очерки. Статьи. Письма», в которой подчеркивает: «Рассеянное по многочисленным столичным и провинциальным газетам, журналам и отдельным изданиям, изъятым в свое время по распоряжению правительства из продажи и библиотек, а ныне ставшим библиографической редкостью, литературное наследие И.Г. Прыжова оказалось уже при первых изысканиях гораздо значительнее, чем это можно было предположить, судя по тем скудным сведениям, которыми мы до сих пор о нем располагали» [Альтман, 1934].

Сам же И.Г. Прыжов о своем творческом наследии отзывался так:

«Я хотел собрать в одно целое не только археологические факты, но и все слезы, всю кровь, весь пот пролитые когда-либо народом, – собрать и вычитать насколько вынесет эта наука счисления» [там же, 9]. Немаловажно и то, что он признавал: «Из всего того, что было только напечатано, целая половина была урезана цензурой или мной самим, другая же половина была исковерканной» [там же].

Благодаря появившимся в наше время публикациям, хотя и крайне редким, Иван Гаврилович Прыжов известен сегодня как талантливый публицист и ученый, не только историк, этнограф и социолог, но и *культуролог*. Это не трудно доказать, хотя бы кратким перечислением его творческого наследия.

«Целью моих трудов, – пишет И.Г. Прыжов в своем фундаментальном произведении «Исповеди», – было на основании законов исторического движения проследить все главные изменения народной жизни, и каждое из них с первых следов их существования вплоть до нынешнего дня... Позволю себе думать, что подобная смелость не только была по силам мне, но даже отчасти была исполнена. Материал у меня был собран настолько, что я уже мог его распределить на шесть больших томов, именно: 1. Народные верования (в первые дни культуры в средних веках и теперь); 2. Социальный быт (хлеб и вино, община и братство, поэзия, музыка, и драма); 3. История русской женщины; 4. История нищенства в России; 5. Секты, ереси, расколы; 6. Малороссия» [там же, 20].

К исследованию последней И.Г. Прыжов относился с глубокой заинтересованностью. Несколько раз, бывая на Украине, преодолевая, чаще всего пешком, большие расстояния в компании со странниками и богомольцами, он всесторонне и глубоко изучил культуру народа Малороссии. Познакомившись еще в молодости со многими учеными и публицистами Киева он, находясь на каторге и не имея возможности личных контактов, сотрудничал с ними до конца своей жизни, о чем свидетельствует большой объем писем И.Г. Прыжова, сохранившихся до наших дней.

Характерная деталь: даже последнее в своей жизни письмо из Петровского Завода он отправил своему украинскому другу Н.И. Стороженко. Умирая от болезней, голода и холода за несколько дней до смерти он писал в далекую Украину: «Будете в Києве («у Кієве, на Подові, козаки гуляють»), то ради создателя добудьте мне №№ издания Общества Нестора Летописца... Желаю умереть хорошо, а не по-дурацки...» [там же, 381]. Это ли не доказательства трудолюбия и преданности теме изучения истории культуры Малороссии?

Читая труды И.Г. Прыжова, невольно приходишь к одному и тому же выводу – как актуальны его мысли для сегодняшней действительности, для культуры славянских народов реформируемого пост-советского пространства и, прежде всего, для самой России.

Вспомним, хотя бы то, как начиная с 90-х годов прошлого века, в среде не только так называемой прозападной «демократической общественности», но и руководства России началось повальное, холопское восхваление всего «европейского», «американского» при почти полном забвении собственной истории, к сожалению, уже неимоверно исковерканной псевдо-реформаторами.

Как актуальны выводы И.Г. Прыжова, в наши дни, когда не только на киевском Майдане, но и в целом по всей Украине некоторые ее «патриоты», вывернув шеи в сторону Запада даже слушать, не хотят о кровном, братском родстве культур народов России и Украины. Характерная деталь: современные реформаторы Украины ненавидят вовсе не путинскую Россию, а Россию и русский народ вообще. Национализм и русофобия, а вовсе не демократия являются их доминирующей идеей. Насаждение этих идей в культуре и образовании молодежи за два последних десятилетия дали свои обильные всходы...

К чему это приводит видно из последних событий на Украине. Трагический ряд сожжения людей: белорусская Хатынь, вьетнамская деревня Сонгми, пополнился сегодня украинским городом Одессой. Невольно в голову приходят слова, замученного гитлеровцами славянина, чешского писателя-антифашиста Юлиуса Фучика: «Люди – будьте бдительны...».

С другой стороны, как бы не развивалась наша история, но даже в период мрачного самодержавия в России всегда находились люди, которые никогда не забывали о близости всех славянских народов. Вот что писал И.Г. Прыжов в середине XIX века: «В Великороссии, где общество еще в Московской Руси, утратило всякое чувство принадлежности к своему народу, где слово «народ» вечно служило потачкой одному лишь мелкому лицемерию, – возникает своеобразная жизнь с модой на народы и народности» [Цит. по: Мазуркевич. Прыжов, 1958].

Далее, ссылаясь на «Чтение Императорского Московского общества истории и древности» он отмечает: «Была у нас мода на греков (песнопение греков»), на армян (Нахичевань на Дону), на поляков (во время крепостного права), на немцев (колонии), говорят, даже была мода на калмыков, и много через калмычек в бары повылезло. Недавно еще была мода на американцев... В XVIII веке была мода на казачков, что состояли при барынях, но она давно прошла и пора бы дожидаться иной моды – *на коренную русскую (южнорусскую) жизнь*, (выделено нами – К.В.) а то ведь, быть может, и поздно будет – судьбы народов неисповедимы...» [там же].

Желание повернуться в сторону этой моды обязывает и нас, славян XXI века, хотя бы то обстоятельство, что в каждом из нас, по крайней мере, украинцев, белорусов и русских глубоко сидят общие, в том числе и южнорусские культурные корни.

Еще одной причиной повернуться в сторону этой моды является и то, что южнорусский язык включает в себе столь же самобытные и древние черты, как и другие славянские языки, и состоит из нескольких наречий, например, полтавско-чегирниское, на котором говорит сегодняшняя Украина, и на котором пропел свои песни великий славянский поэт Тарас Григорьевич Шевченко. Отделившись в седой старине от общеславянского корня, южно-

русский язык развивался с тех пор вместе с русским (южнорусским) народом, носившим свое древнее имя Руси, и еще в XIII веке назвавшим свою страну у моря – Украиной.

Центром русской земли был Киев, основанный в незапамятные времена и издавна известный скандинавам, германцам, грекам и арабам под различными именами: Кутаба, Куяба, Кунаба, Киона, Киваса, Киос и др.

И.Г. Прыжов, ссылаясь на Константина Порфиродного (X век) упоминает, что у Киева сходились суда из Новгорода, Смоленска, Любеча, Вышгорода. Польский купец Адам Бренинский, посетивший Киев в X веке сравнивает его с Византией. У русского народа Киев носил высокое имя матери русских городов: «Мати градомъ Руськымъ». Имя Руси со временем распространяется на Волынь, Галич, дальний Северо-восток и становится именем всех земель восточного славянства. «И теперь, как подчеркивает И.Г. Прыжов, – благодаря умственному развитию нашего века, несмотря на все племенные различия разных областей России, мы должны видеть в них одну лишь великую Русь. А Россия – слово книжное, сочиненное греками» [там же, 170].

«Поляне – Русь – как пишет И.Г. Прыжов, – были просвещеннее своих соседей, чему много помогал *Днепро Словутный*, служивший путем в Грецию и Тавриду, затем Киев стал центром, связующим соседние племена, старшим братом других славянских племен «Ту Немцы и Венедицы, ту Греции и Морава поють славу Святъславлю. На Западе Киеву подавал руку древний Галич, где русский князь, сидя на своем златокованом стуле, подпирает горы Угорские своими железными полками, заступал путь королю, затворял ворота Дуная, суда рядил до Дуная... Киев был богат...» [там же].

В Киеве было множество торговых домов, многие из которых принадлежали латинянам. В XI веке русские с поляками доходили до Сицилии. В начале X века киевляне проникали со своими телегами через Чехию на берега Дуная и продавали баварцам лошадей и невольников.

Социо-культурной уровень жизни киевского народа был столь высок, – отмечает Прыжов, – что даже «евреи XI века, жившие среди русских племен, говорили по-русски. Киевлянки, как помнит еще былина, и как можно судить по теперешней русской (украинской) женщине, отличались свободой, красотой

и сладострастием; свободную жизнь народа связывал дух братства, побратимства, крепкая социальная жизнь, возникавшая около князей, вроде благородной личности Владимира Мономаха, тянула к себе людей из соседних земель, и в Киев съезжались гости из Чернигова, из Волынца, из Кракова и Цареграда, — чехи и ляхи, славяне и немцы» [там же, 171].

Число княжеств Малороссии росло, естественно, росло и число князей, которые заводили меж собой крамолы, иногда по примеру поляков, давили народ, для чего не прочь были воспользоваться помощью диких орд, вечно ожидающих добычи и стоящих у ворот Киева. К княжеским междоусобицам прибавлялась и неприязненные отношения отдельных земель друг к другу.

Все это порождало жизнь беспокойную, лишало уверенности в завтрашнем дне. Вот тут-то и возникает образ мудрейшего оберегателя, защитника земли русской, удалого князя *Владимира Мономаха*. Одновременно возникает и образ удальца в княжеских и народных дружинах, выросший впоследствии на северо-востоке Малороссии в высокую и благородную личность *Ильи Муромца*, защитника народа от князей, а на юге в вольного казака.

Развитие культуры в Киевской Руси породило русский эпос, сначала мифический, а затем и *исторический*. Русский эпос, носящий, по мнению И.Г. Прыжова, «неправильное имя «богатырского (слово татарское, выдуманное московскими учеными-грамматиками), получивший начало еще до племенного разделения на великороссов и малоросов, сохранился на северо-востоке... в убогих обломках старины: живой исторической жизни в нем нет и следа, так как на северо-востоке поэзия заглохла вместе с народной свободой. Не то было на юго-западе...» [там же, 172-173].

В Южной Руси, несмотря на то, что пережитые грозные события поколебали до дна народные массы, а новее образы отодвинули назад и заслонили героев старого эпоса, остатки которого долго еще были целы и живы, являя собой своеобразный комментарий народной жизни Малороссии. Здесь еще долгое время были живы в преданиях о «великанах», оставивших свои следы в «могилах» (холмах) и «земельных валах». Предания о том, как Борис и Глеб или Козьма Дали ковали первый плуг для людей. Древний край полон памятью о князе Олеге. До сих пор сохранились первые думы «О походе старшего князя

язычника в царьградскую землю», о службе русских людей в Царьграде, «Об Алексее Поповиче» и др.

Распространяя христианство и отбиваясь от полчищ, напавших из Азии, Киевская Русь с одной стороны, слагает религиозные предания, а с другой входит в новый период развития исторического эпоса. Киеву принадлежит предание об апостоле Андрее, проповедавшем, будучи отшельником, в «киевских горах». К X веку здесь уже вполне сложился идеал братской любви св. Бориса и Глеба, получивших высокое признание не только в Киевской Руси, но и вошел в легенды и предания русского народа северо-восточных территорий.

В битвах с печенегами возникает сказание о Кирилле Кожемяке, сохранившего свое имя в названии киевской местности Кожемяка и в великорусской сказке о Никите Кожемяке.

Печенегов сменили половцы. Владимир Всеволодович, знаменитый князь Владимир Мономах «добрый страдалец за русскую землю», как его называет летопись, призвав князей в поход, против половцев, ушел в степь на битву с половцами, которые и были разбиты. Именно эту победу, по мнению русского историка Костомарова, и воспел русский певец Боян, знаменуя героическую борьбу народа за русскую землю.

Имя Бояна, сохраненное для нас «Словом о полку Игореве», отнюдь не вымышлено. Оно было известно у славян еще в VI веке. У болгар в начале X века имя Бояна носил младший брат царя Симеона, который тоже был великим певцом. Наконец, имя его осталось в славянских фамилиях и в географических названиях в Албании, Италии, Чехии и Германии.

Гениальный создатель «Слова о полку Игореве» относился к Бояну с великим уважением, называя его «соловьем старого времени», «вещим певцом – внуком бога пенсии – Велеса». И.Г. Прыжов, ссылаясь на мнение русского историка В.Срезневского, называет Бояна – «Русским Апполоном», который «пел, возлагая на струны свои десять перст, т.е. точно так же, как поют и играют доселе его потомки, украинские бандуристы» [там же, 174].

Что же касается письменности одного из важнейших феноменов духовной культуры любого народа, то ее появление на Руси мы связываем чаще всего

с именами византийских монахов Кириллом и Мефодием. Однако есть немало не только косвенных, но и прямых доказательств того, что русская письменность существовала задолго до установления связей с Византией, принятия христианства, задолго до появления кириллицы и глаголицы. Жаль, что загадка эта, почему-то не очень-то увлекает наших ученых-лингвистов. Да и наши историки, как правило, не акцентируют свое внимания на очевидном факте, что трехсотлетнее правление династии Романовых, (пришедших, кстати, из Германии), ознаменовалось максимальными усилиями по фальсификации истории Руси.

Так, царь Петр I, всем известен своими усилиями по укреплению Руси, как реформатор России, но, мало кому известен, как инициатор отмены древнего русского календаря. Однако этим своим актом, он по сути дела, похитил у нас 5 тысяч лет великой истории русского народа. Получается, что до прихода кириллицы русы были не просто безграмотными, а первобытными варварами.

Между тем, в древней Руси существовало семь видов письменности, каждая на свой случай жизни: *руническая письменность, черты и резы (берестяная грамота), узелковое грамота. Святорусское письмо – буквица, глаголица (торговое письмо), Всеясветная грамота Руси (многомерная пространственная «письменность»), предметно-знаковое письмо*. Разве это не весомый аргумент для изучения нашего великого культурного наследия и воспитания молодежи в духе любви к своей Родине и к ценностям ее национальной культуры?

Убедительным подтверждением наличия письменности в Древней Руси еще в языческий период ее истории есть немало и других свидетельств. Об этом, в частности, задолго до принятия христианства свидетельствует ряд литературных источников и некоторые памятники материальной культуры:

Во-первых, загадочные «причерноморские знаки» открытые в середине XIX века в Херсоне, Керчи, Ольвии и других местах греческого поселения на территории Малороссии. Знаки эти по своему рисунку имеют довольно сложную линейно-геометрическую форму. Большинство этих знаков относится к III-IV вв. н.э.

Во-вторых, изобразительный символический орнамент, обнаруженный на вазах и кувшинах, найденных при раскопках на территории Волыни близ Киева и относящихся к памятникам так называемой «черняховской культуры» (II-IV вв. н.э.).

В-третьих, о существовании у славян в дохристианский период алфавитного письма свидетельствуют и письменные договоры славянских князей с Византией, относящиеся к VIII-V в. н.э. Договоры писались на двух языках – греческом и славянском. Из договора Олега с греками явствует, что древняя дружба между христианами-греками и языческой Русью «многожды» была подтверждена «не только словами, но и письменно».

И, наконец, о наличии у славян алфавитного письма говорит также известный факт из биографии Кирилла, одного из изобретателей славянской азбуки, о котором сообщается в VIII главе «Панонского жития» Кирилла.

В ней, в частности, рассказывается, что Кирилл во время своего путешествия к хазарам в конце 50-х – начале 60-х годов IX века «обрел» в Херсоне (Южный берег Крыма) «Евангелие» и «Псалтырь», написанные русскими буквами («роуськими письмены писано»). Затем он встретил там человека, говорившего по-русски, беседовал с ним, и, вскоре, к удивлению своих спутников, начал читать и говорить по-русски. Как бы в подтверждение этого факта в одной из русских рукописей XV века (в «Толковой Палее») говорится: «А грамота русская, явилася, богом дана, в Корсуне (Херсоне) русину, от него научился философ Константин (Кирилл) и оттуда сложив и написав книги русским языком» [Литературное наследие..., 1954].

Дальнейшая судьба Киевской Руси с 1240 года в течение почти целого столетия полна страданий, о которых далеко не всегда упоминает даже история. Мы знаем только то, что Киев покорила Орда, которая трижды сжигала его дотла. Как отмечает И.Г. Прыжов, «от скрипа татарских телег нельзя было расслышать голоса, и что в окрестностях Киева находили много черепов и костей человеческих» [Мазуркевич, Прыжов, 1958].

Но, мы знаем и другое, что история киевского просвещения начинается в XI веке с именем Феодосия, второго игумена Киевско-Печерской лавры. Из глубокой старины, где едва различишь черты этого игумена, доносится до нас его высокое

апостольское слово, учившее любить человека, и с тех пор, как будто завешенное всей Руси. Здесь в Печерском монастыре мы встречаем многогранную литературную деятельность, которая отзывается эхом во всех последующих временах.

Сосредоточением этой деятельности был Феодосий. Инок Илларион описывает книги, Феодисий прядет нитки для переплета книг, старец Никон переплетает книги, другие инок ведут летопись, составляют жития. Не прекратилась в народе и в церкви любовь к своей стране и в XII веке, где мы видим паломника Даниила из Чернигова, поставившего лампаду от русской земли на святом гробе. В этом примере мы видим общую заинтересованность в развитии культуры, ибо деятельными участниками здесь становятся не только князь и игумен, но и простой мужик.

Заключение

В культурном наследии Киевской Руси, мы, русские люди XXI столетия видим искреннюю любовь к своей земле, к своему народу, желание сделать ему всякое добро. Вот, наверное, главная черта этого «поучения».

Именно в этот первый период своей исторической жизни, окончившийся татарским нашествием и погромом, Южная Русь открывала свою культуру, вырабатывала свой язык, словесность, искусство, воспитавшее в своих недрах просвещение, имевшее огромное влияние на все славянство. Русский народ затем двинулся на Север, но навеки сохранил свою память о доброй старой киевской жизни. Недаром же, толпы народа еще многие-многие годы тащились с холодного, неприятного для них севера молиться в старый Киев, ибо город Киев стал для них своеобразной Меккой спасения от любых невзгод.

Сегодняшний Киев переживает не лучшие времена в своей истории, подвержен смуте и сам нуждается в нелегком поиске выхода из тупика. Мне представляется, что выход этот нужно искать не за «морями» и «горами», не в воспитании ненависти к «кацапам» и «москалям», а в собственной, многовековой истории, в сокровищах мудрости украинского народа, в славянских корнях его богатейшей культуры, в установлении братских, добрососедских отношениях с соседними славянскими народами.

Библиография

1. Альтман М.С. И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М., Л.: Академия, 1934. – 486 с.
2. Кургузов В.Л. Культура Европы: ретро-футурологический взгляд на феномен // Белые пятна российской и мировой истории. – 2014. – № 1-2. – С. 70-91.
3. Кургузов В.Л. Историческая память и забвение в культурном пространстве как репрезентация прошлого в настоящем // Белые пятна российской и мировой истории. – 2013. – № 3-4. – С. 17-31.
4. Литературное наследие Киевской Руси. – Киев, 1954. – 386 с.
5. Мазуркевич А.Р., Прыжов И.Г. Из истории русско-украинских литературных связей. – Киев: Государственное издательство художественной литературы. – 1958. – 424 с.

Little Russia: regarding the contribution to Slavic world culture (based on artistic heritage of I.G. Pryzhov)

Vladimir L. Kurguzov

Full doctor of culturology, professor,
Member of international academic research board
on culture of Central and Eastern Europe IOV UNESCO,
East-Siberia state university of technologies and management,
670041, 40a Kljuchevskaja str., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: VLKurguzov@rambler.ru

Abstract

In the paper the actual problems of origin of the cultural heritage of Little Russia (Ukraine) are considered. The article is based on the usage of rare materials of scientific works of half-remembered at present-day historian, ethnographer

and writer of the XIX century I.G. Pryzhov. His writings are penetrated by sincere affection to its land, as well as of invaluable contribution of its heritage to the treasury of culture of Russia and the Slavic world at large. The present-day events in Ukraine have provoked the author to turn to the history of the cultural achievements of the Little Russia, these events are experienced with anxiety and pain by all people on the post-Soviet territory, they force us to look back, to turn to our own history, retrospective analysis of the cultural achievements of the Little Russia that have left their scar in the history of all Slavic world. In terms of Kievan Rus the main achievements of culture of the Slavs are shown, the retrospective look at their common spiritual interests is reflected, the author's position as the saving of this heritage and its usage in the modernity conditions is expressed, including the conditions of social confrontation in Ukraine in our times.

For citation

Kurguzov, V.L. (2014) *Malorossiia: k probleme vklada v kul'turu slavyanskogo mira (na materialakh tvorcheskogo naslediya I.G. Pryzhova)* [Little Russia: regarding the contribution to Slavic world culture (based on artistic heritage of I.G. Pryzhov)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [*Culture and Civilization*], 5, pp. 57-71 (in Russian).

Keywords

Little Russia, Russia, history, culture, heritage, Slavic, literature.

References

1. Al'tman, M.S., Pryzhov, I.G. (1934) *Ocherki. Stat'i. Pis'ma*. [Outlines, Articles, and Letters], Moscow, Leningrad: Academy.
2. Kurguzov, V.L. (2013) *Istoricheskaya pamyat' i zabvenie v kul'turnom prostranstve kak reprezentatsiya proshlogo v nastoyashchem* [Historical memorial and oblivion of cultural space as representation of the past in the present]. *Belye pyatna rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 3-4, pp. 17-31.
3. Kurguzov, V.L. (2014) *Kul'tura Evropy: retro-futurologicheskii vzglyad na fenomen* [European culture: retro-futurological view of the phenomenon]. *Belye*

pyatna rossiiskoi i mirovoi istorii ["White Spots" of the Russian and World History], 1-2, pp. 70-91.

4. *Literaturnoe nasledie Kievskoi Rusi* [Literature heritage of Kievan Russia] (1954). Kiev.
5. Mazurkevich, A.R., Pryzhov, I.G. (1958) *Iz istorii russko-ukrainskikh literaturnykh svyazei* [From the Russian-Ukrainian literature relations history]. Kiev: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.